

В 1934 году наша семья переехала из Тарту в Таллинн, и меня определили в еврейскую гимназию. Поступил в класс, в котором преподавание велось на идиш. Отец входил в президиум культурного самоуправления и представлял там "идишистов", что и определило его выбор. Первоначально преподавание в школе на Кару велось только на иврите, так как в местной еврейской общине преобладали сионистские настроения. Тем не менее довольно значительная часть еврейского населения, потомки жителей черты оседлости, сохраняли симпатию к идишу, обиходному языку еврейской диаспоры, Шолом Алейхема и Зингера. Левая интеллигенция склонялась к идишу - языку народных масс, что и привело моего отца в лагерь идишистов. Идишисты основали свою школу, но содержат две параллельные школы было трудно. По ряду предметов (эстонский, физкультура, военное дело, рисование) можно было проводить совместные занятия. К тому же в здании на Кару места было достаточно, и ко времени моего поступления в еврейскую гимназию обучение велось на обоих языках в параллельных классах:

Директорствовал в школе Самуил Гуриш, который сумел сплотить отпрысков сионистов и идишистов в единый коллектив. Во всяком случае я не помню, чтобы на политической почве между учениками возникали конфликты, которые бушевали вне школы.

Здание школы на Кару было построено на средства еврейской Общины по проекту известного немецко-балтийского архитектора Эриха Якоби. Огромное, тяжеловесное, оно несет отпечаток "традиционализма"

начала века. По сути дела это одно из крупных общественных зданий, построенных в Эстонии после завершения освободительной войны. На верхних этажах размещалась русская гимназия, наш класс, довольно темный, находился на первом этаже.

Подробнее о наших учителях. Будем откровенны - учителя в те годы отличались от современных значительно более высоким уровнем общей культуры. Учителя гимназии были носителями культурных традиций своего народа. В 19-м и начале 20-го веков учителя прибалтийско-немецких школ писали много томные исследования по археологии, истории, культуре страны. В эстонских школах именно учителя создавали национальную культуру, а крупные эстонские писатели преподавали в школах родную литературу.

Наша гимназия не была исключением. Идиш и литературу на идиш преподавал наш классный наставник Исроэл Дубовский, выходец из Польши. Человек он был добрый, хотя напускал на себя строгость. Трудно было с нами Шмарье Тамаркину, который преподавал иврит и еврейскую историю. А мы, "идишисты", относились к ивриту равнодушно, теперь приходится об этом жалеть. Его сын Арон вошел в эстонскую культуру как основатель музея театра и музыки в Таллинне.

Всеобщую историю вел директор Гуриш. У него была особая плавающая походка, и его стройную фигуру можно было по походке узнать уже издали в конце длинного коридора. Специалист он был блестящий и в послевоенные годы преподавал историю в Педагогическом институте. Уроки химии вела Зельма Пассов, немецкий язык - Сара Виленская.

Запомнились уроки музыки, которые вел "хазан" - кантор Гуревич, величественный мужчина с лысиной и окладистой бородой, отец известной пианистки Анны Клас и дед дирижера Эри Класа. Пели мы, честно говоря, неважно, а я вообще петь не умел, хотя любил музыку. Бывало, что кантор Гуревич выгонял меня из класса, так как я нарушал и без того нестройный ученический хор.

Боялся я капитана Ланга, преподавателя военного дела, которое было поставлено на высоком уровне. В школе занимались стрельбой по мишени из воздушного ружья, а летом проводились учения в казарме на Лийвалая и на дюнах около озера Юлемисте. Ели жирную солдатскую пищу и стреляли настоящими патронами. Вспоминаю, как однажды мы стреляли по мишеням, и к нам подошел главнокомандующий эстонской армии генерал Лайдонер. Он сел за моей спиной и стал наблюдать за стрельбой; кажется, в такой обстановке я стрелял неважно.

Физкультурник А.Роозесте, отличный педагог, особенно увлекался упражнениями на снарядах, а я, как назло, с трудом одолевал коня, хотя на брусках дело шло лучше. Увлекались мы также спортивными играми и обязательно посещали соревнования еврейского спортивного общества "Маккаби".

Эстонский язык вела Хелене Валдур, ее настоящая фамилия была Цуйсман, но в конце 30-х годов вместе с усилением эстонского национализма прошла кампания по замене чужих фамилий на "чисто" эстонские, и она стала Валдур. С ней у меня сложились хорошие отношения, и в послевоенные годы мы с удовольствием вспоминали на-

шу еврейскую гимназию.

Свободное от занятий время мы, ученики классов на идиш, много времени проводили в "Бьялик-фарейн". Хотя общество и носило имя великого писателя на иврите, фарейн был читальней идишистов. Здесь были хорошая библиотека, вкусный буфет, проводились концерты и спектакли с участием гастролеров, артистов еврейских театров. При фарейне работала молодежная секция, в которую входили ученики школы. Эти вечерние часы в "Бьялик-фарейн" по сути дела как бы продолжали наше знакомство с еврейской культурой.

Ученики классов на иврите входили в разные сионистские объединения, но мы к ним никакого отношения не имели.

К концу 30-х годов ситуация в школе осложнилась. Была проведена школьная реформа: после 9-го класса ученики переходили в трехклассную гимназию, сдав специальные переходные экзамены. Получилось так, что занятия в гимназии продолжало небольшое количество учеников, и уже в нашем десятом классе преподавание велось только на идиш, так как параллельный класс был ликвидирован. Любопытно, что в эти годы в нашу школу стали переходить ученики престижных эстонских школ, английского колледжа и женской гимназии Лендер, куда направляли своих детей "сливки" еврейского общества. В этих школах было отлично поставлено преподавание иностранных языков, и учиться в них было престижно. Но предвоенные годы ознаменовались взлетом национализма.

Ученикам "некоренной" национальности стало неуютно в эстонских школах, и еврейские дети перешли в свою гимназию. Мы встретили их вежливо, никаких недоразумений на почве школьного патриотизма не возникало. Дух в школе царил патриархальный и, кажется, он сохранился в новой еврейской школе, которая работает в тех же помещениях.

Когда мы заканчивали школу весной 1940 года, базы советских войск уже находились на территории Эстонии. Обстановка была беспокойная, и наш класс оказался последним выпуском довоенной еврейской гимназии.

С этого времени прошло более пятидесяти лет.

Лео ГЕНС

На снимке:
• Последний - 13 выпуск еврейской гимназии. 1927 год.